

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

Н. С. Бабинцева

О ЗНАЧЕНИИ МЕЛКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ХОДЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Мелкое производство всегда занимало значительное место в процессе индустриализации. Так, например, в Японии даже в 1930 г. треть населения составляли мелкие предприниматели, а мелкое производство (предприятия с числом занятых до 5 человек) давало 30% всей промышленной продукции и поглощало около 60% всей рабочей силы японской промышленности [27, стр. 111, 202, 207].

В современных развивающихся странах удельный вес и экономическое значение мелких хозяйств, несомненно, еще больше. Большинство крестьянских хозяйств являются мелкотоварными, а крестьянство составляет подавляющую часть населения. Например, в середине 60-х годов доля сельского населения Тропической Африки в общем населении страны оценивалась: Берег Слоновой Кости — 86%, Мали — 90, Нигерия — 80, Дагомея — 84, Нигер — 96% и т. д. [29, 1966, стр. 20]. С точки зрения товарного производства подавляющая часть африканских крестьянских хозяйств является, безусловно, мелкими и средними, что отнюдь не исключает значительной дифференциации внутри африканской деревни.

Довольно высок удельный вес мелкого производства и в промышленной продукции. В Нигере, например, в 1961—1962 гг. стоимость последней оценивалась более чем в 10 млрд. афр. фр., а продукции мелкого ремесленного производства — примерно в 2,5 млрд. афр. фр. [31, т. 1, стр. 25; т. 2, стр. 482], т. е. составляла около $\frac{1}{4}$ всей промышленной продукции. В середине 60-х годов в Нигере только ремесленников было 22 тыс. человек. Это цифра немалая, если учесть, что общая численность самостоятельного населения страны 800 тыс. человек, а в несельскохозяйственной сфере занято не более 4% его [31, т. 2, стр. 481]. В Камеруне в 1962 г. насчитывалось около 100 мелких промышленных (с числом занятых до 40 человек на каждом) и 22 тыс. ремесленных предприятий (с общим числом занятых на них около 100 тыс. человек) [18, стр. 109, 111].

В планах развития молодых государств мелкому производству уделяется большое внимание. В Танзании, например, по второму пятилетнему плану $\frac{3}{5}$ новых запроектированных заводов должны быть сравнительно мелкими предприятиями (от 10 до 70 рабочих мест), которые поглотят 15% запланированных инвестиций и дадут 10% прироста выработки промышленной продукции. Помимо этого мелкие предприни-

матели и ремесленники создадут целый ряд мелких и мельчайших промышленных точек, не включенных в план [32, т. 1, стр. 76—77].

Государство оказывает помощь и осуществляет руководство развитием мелкого производства. Так, в Танзании для этого создана Национальная корпорация мелкой промышленности, в Мавритании — Служба ремесел и Национальное управление коврового производства, в Габоне — Фонд помощи ремеслу и т. д. Создаются особые программы развития мелкого ремесленного производства. Такая программа была, например, составлена в Сенегале на 1962—1966 гг. Она предусматривала значительные инвестиции на оснащение ремесленных центров и покрытие других расходов по подъему ремесленного производства [15, стр. 50]. В Нигере по 10-летнему плану предусмотрены государственные расходы в размере 100—175 млн. афр. фр. на развитие ремесел. Сюда входят как покрытие расходов на обучение, так и инвестиции в основной капитал, в частности в строительство зданий для мастерских [30, т. 2, стр. 504].

Таким образом, даже приведенные примеры показывают, что мелкое производство, в том числе ремесло, занимает в развивающихся странах довольно значительное место. В большой степени это связано с недостатком промышленных изделий, спрос на которые со стороны населения растет по мере индустриализации. Рассмотрим, однако, нельзя ли было бы удовлетворить этот спрос другими способами. Первый и самый простой, казалось бы, — импорт недостающих товаров. Но этот путь неприемлем для развивающихся стран, потому что, как показала практика колониального периода, он ведет к увековечению отсталости, а значит, и к экономической зависимости. Второй путь, имевший и имеющий сейчас приверженцев среди экономистов и государственных деятелей, — концентрация основных усилий на создании крупной промышленности в импортзамещающих отраслях для снабжения внутреннего рынка. Примером является повсеместное и быстрое развитие в африканских странах хлопчатобумажной промышленности, порой оснащенной по последнему слову современной техники, в том числе в таких странах, где до последнего времени практически не существовало никакой промышленности (текстильный комбинат в Центральноафриканской Республике).

Такое направление промышленного развития, безусловно, в известной степени необходимо, но вряд ли целесообразно делать его ведущим в индустриализации, которая, как известно, получает завершение лишь тогда, когда создается материально-техническая база крупной промышленности, т. е. производство машин, оборудования, средств производства. Концентрация основных средств и ресурсов в импортзамещающих отраслях может сильно замедлить ход индустриализации, направить ее по английскому образцу, что в условиях современности равнозначно сохранению и углублению экономической отсталости, так как разрыв в уровнях техники между передовыми и отсталыми в техническом отношении странами будет не сокращаться, а увеличиваться. Поэтому основная масса средств и ресурсов должна быть направлена на создание отраслей, гарантирующих техническое переоснащение производства и ускорение индустриализации, т. е. в первую очередь на развитие машиностроения и других отраслей I подразделения. При такой постановке проблемы наиболее рациональным решением вопроса о снабжении внутреннего рынка потребительскими товарами является развитие мелкого производства, что не требует значительных затрат из фондов, аккумулированных в национальном масштабе и (или) полученных извне.

Необходимо отметить, что такой вывод не является новым. В извест-

ных нам исторических примерах ускоренной индустриализации мелкое производство всегда выполняло эту роль. Например, в Германии до середины XIX в. основным видом потребляемых тканей были льняные, а в льнопрядение и льноткачество машинное производство почти не проникло. К 1867 г. по всей территории Таможенного союза едва насчитывалось 1800 машинных ткацких станков [23, стр. 224]. Ремесленное производство различных металлических потребительских товаров не было вытеснено в Германии до самого конца XIX — начала XX в. Интенсивный рост мелкого ремесленного производства, связанный с ростом рыночного спроса на потребительские товары, наблюдался в Германии на протяжении всей первой половины XIX в. вплоть до 60-х годов, особенно в сапожном и швейном деле. В некоторых отраслях рост мелкого производства, причем быстрыми темпами, шел и в последней четверти XIX — начале XX в. С 1895 по 1907 г., например, при общем росте населения Германии на 19% число занятых в мелком производстве в хлебопекарном и булочном деле увеличилось на 29%, а в мясном — на 32% [23, стр. 290].

Не менее показателен пример Японии, где уже в XX в. весьма значительная часть личного потребления покрывалась за счет мелкого производства. Как свидетельствует американский исследователь Р. Орчард, в 20-х годах изготовление одежды в большинстве мастерских производилось вручную, даже без использования швейной машины, а крупнейшие швейные предприятия Японии тех лет насчитывали не более 80 занятых. В гончарном деле так называемые фабрики насчитывали по 10—15 рабочих, а $\frac{1}{3}$ продукции производилась в домашних мастерских с числом занятых 3—5 человек, главным образом семейных работников. Даже в хлопкоткачестве к 1928 г. более 90% всех предприятий имели менее 10 станков [28, стр. 187—190]. Практически в Японии эпохи Мэйдзи и в последующие десятилетия из отраслей, производивших потребительские товары, лишь хлопкопрядение быстро превращалось в промышленность в собственном смысле этого слова. В остальных же отраслях долгое время сохранялись ремесленная техника и организация производства, простая кооперация, мануфактура. До сих пор в Японии на полуремесленных предприятиях изготавливается значительная часть потребительских товаров: продукты питания (сушеная рыба, водоросли, соусы, лапша и пр.), деревянная обувь, циновки, ширмы, раздвижные стенки, зонтики, японская бумага и т. п. [см. подробнее, например: 10, гл. IX].

В Советской России 20-х годов мелкое производство (и в промышленности, и в земледелии) развивалось довольно широко именно в целях обеспечения города продовольствием, а деревни — простейшими промышленными товарами (мыло, керосин, спички, соль, гвозди и др.). В. И. Ленин говорил о необходимости развивать «ремесло, на местном сырье дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина, продукты...» [7, стр. 232—233]. Ранее В. И. Ленин также отмечал: «Наша основная задача — восстановление крупной промышленности. А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности» [6, стр. 306].

И такое восстановление мелкой промышленности, развитие мелкого производства началось в годы Советской власти. В Донбассе, например, в 1926 г. мелкие крестьянские шахты, арендованные у государства частниками, дали 30 млн. пудов угля. Подобное же положение было с арендой соляных месторождений [см. 12, стр. 70]. Значительное

число мелких предприятий в промышленности сохранялось довольно долгое время и в других европейских социалистических странах. В 1956 г., например, в ГДР на частные предприятия, которые были в большинстве своем мелкими (в среднем 24,4 занятого на одно предприятие), приходилось 11,1% выпуска промышленной продукции [22, стр. 211—212]. В сельском хозяйстве СССР в 20-е годы мелкое производство поставляло подавляющую часть продукции. Число крестьянских хозяйств к 1927/28 г. выросло с 16 млн. до 25 млн. [14, стр. 352], а совхозы и колхозы в 1927 г. дали лишь 6% товарного хлеба [21, стр. 362].

Использование мелкого производства для обеспечения внутреннего рынка потребительскими товарами широко распространено в развивающихся странах. В начале 60-х годов кустарное производство покрывало 30% внутреннего спроса на промышленные товары в Индии, около 29% в Пакистане, примерно 34% на Филиппинах [13, стр. 62]. В 1959/60 г. в Пакистане ручное ткачество дало 335 млн. м хлопчатобумажных тканей, а фабрично-заводское — 564 млн. м [16, стр. 27]. В Ливии основными поставщиками тканей являются мелкие ремесленные мастерские, ткачи, работающие на дому, имеющие до 20 тыс. примитивных ткацких станков [26, 1969, № 6, стр. 53]. Особенно велико значение мелкого производства в удовлетворении спроса населения в глубинных районах. Там ремесла довольно разнообразны (ткачество, кузнечное дело, изготовление продуктов питания и т. д.).

В Нигере, например, широко развито кустарное ткачество, шорное и кузнечное ремесла, изготовление сладостей, растительного масла из арахиса, помол зерна и т. п.

Кроме традиционных потребительских товаров мелкое производство (но уже не ремесленное) выпускает и некоторые бытовые товары длительного пользования (электроприборы, радиотехнические товары, электрооборудование и т. п.), производство которых является трудоемким и требует сравнительно небольших капиталовложений, что делает их выгодной сферой приложения мелкого капитала. Журнал «Ориентал Экономист» писал по этому поводу: «С небольшой долей преувеличения можно сказать, что выпуск бытовых электроприборов можно начать, если есть нужное число рабочих и крыша над головой» [цит. по: 10, стр. 171]. Действительно, уже в Японии эпохи Мэйдзи было широко распространено производство электроламп в мелких мастерских. В современной Индии мелкая, «нецензурная» промышленность развита в таких отраслях, как химическая, стекольная, керамическая, производство металлоизделий, электротоваров, пластмасс, металлургическая, общее и легкое машиностроение [см. 16, стр. 58—59].

Этот процесс начинается и в Африке, где в 60-е годы распространилась сборка (а кое-где и производство отдельных деталей) транзисторных радиоприемников, производство аккумуляторов, сухих батареек, электроламп, сантехники, грампластинок, газовых плит, огнетушителей, алюминиевых изделий и утвари, металлической тары и т. п.

Мелкое производство составляет также основу товарного производства в земледелии развивающихся стран. Как правило, в Африке из-за примитивности орудий труда семья может обрабатывать не более 1,5—2 га. Так, например, в Сьерра-Леоне средний размер участка обрабатываемой земли (пахотная, под многолетними культурами, годная к непосредственному использованию) в одном африканском хозяйстве в середине 60-х годов был 0,5 га [рассчитано по: 29, 1968, стр. 3—9, 53].

Таким образом, в период индустриализации, во всяком случае на начальных ее этапах, мелкое производство играет важнейшую роль в

воспроизводстве рабочей силы. Значение мелкого производства, однако, этим не исчерпывается. Оно может помочь решить так называемую проблему рынка и усилить конкурентоспособность национальных товаров на национальном рынке.

«Проблема рынка» возникает тогда, когда сталкивается крупное высококонцентрированное серийное производство с не соответствующими ему уровнем и стандартами потребления. Несоответствие может быть обусловлено слабым развитием товарно-денежных отношений, слабой покупательной способностью трудящихся масс, низкой стоимостью рабочей силы, малой абсолютной величиной населения или, как во многих развивающихся странах, особенно африканских, сочетанием всех этих факторов, что порождает невозможность во многих случаях становления на данном этапе современных форм производства потребительских товаров.

Мелкое же производство гораздо более приспособлено к сравнительно низкому уровню потребления и узкому рынку. Оно относительно безболезненно (безболезненно, конечно, по отношению к общественному производству, а не к личности мелкого производителя) умирает и легко возрождается вновь, гибко перестраивается для удовлетворения определенных потребностей, чем, видимо, и определяются длительность существования мелкого производства, его относительная конкурентоспособность. Весьма важное значение в этом аспекте имеет приспособляемость мелкого производства к разнообразию индивидуализированных вкусов (в том числе к национальным особенностям!) потребителей. Некоторые авторы, например, считают причиной устойчивости мелкого производства в Японии именно отсутствие у японских потребителей склонности к однообразной продукции, в связи с чем в Японии не возникло такого стандартизированного производства товаров широкого потребления, как, например, в США [27, стр. 187]. Разумеется, причинно-следственная связь здесь иная и гораздо более сложная, но такой фактор, как разнообразие склонностей и вкусов потребителей, несомненно, способствует укреплению мелкого производства. Недаром в развитых капиталистических странах так называемыми зонами свободной конкуренции являются отрасли легкой промышленности, главным образом швейная и обувная, т. е. производящие такую продукцию, которую потребитель стремится максимально индивидуализировать.

Такое положение порождает и обратную связь, а именно: разнообразное предложение товаров способствует формированию вкусов и склонностей. Тем самым укрепляется национальное мелкое производство против стандартизированного и в значительной мере безликого импорта.

Это обстоятельство в развивающихся странах усиливается дополнительным фактором — сохранением традиционных национальных запросов и потребностей. Специфика потребительского спроса может оградить национальные рынки от иностранной конкуренции лучше любых протекционистских таможенных тарифов. Если обратиться опять к чрезвычайно показательному в этом отношении примеру Японии, то оказывается, что мелкое производство связано именно с традиционными товарами, которые в 1955 г. составляли 70% всей продукции мелкого производства Японии (предприятия с числом занятых от 4 до 29) [10, стр. 255]. Американские авторы Буа де Мانت и Фред Томас Перри говорят даже о несовместимости традиционного потребления с системой массового производства [см. 10, стр. 253]. Можно спорить по поводу того, что важнее и лучше для общества — удешевление ли продукции посредством ее стандартизации и унификации или улучшение ее каче-

ства за счет индивидуализации (очевидно, и тот и другой путь используются в современной промышленности). Можно вспомнить при этом, что сейчас то же самое японское производство (а за ним и потребление) удивительно быстро стандартизируется и унифицируется, но несомненно, что для индустриализации, особенно на ее начальных этапах, сохранение и даже усиление традиционности потребления на базе мелкого производства является одним из средств борьбы за становление независимой национальной экономики, одним из средств решения проблемы рынка.

В связи с этим увеличивается и экономическое значение традиционных ремесел. Представляется, что кроме выпуска потребительских товаров довольно большими партиями ремесла могут давать образцы изделий, своего рода шедевры. Ремесленники, носители традиционной материальной культуры и постоянно живущие в гуще народа, легко реагируя на изменение и появление потребностей, создают изделия, сочетающие чисто утилитарные функции с элементами традиционной культуры. После того как данный продукт получает одобрение рынка, он может быть пущен в более массовое производство в какой-нибудь мастерской мануфактурного типа или в кооперативе. В этом плане определенное экономическое значение приобретают выставки национальных ремесленных изделий, национальные музеи и пр. В Ниамее (Нигер), например, в Национальном музее создан центр ремесленного производства. Центр ремесленного производства с упором на изготовление предметов национального сенегальского искусства предполагалось создать близ Дакара в деревне Сумбедьон. В Мавритании за 60-е годы были проведены две национальные выставки, где были широко представлены образцы ремесленных изделий.

То же самое можно сказать и об идеологической работе, которая сейчас в целях борьбы с наследием колониализма во многом направлена на то, чтобы привить массам новую оценку традиционной африканской культуры, национальной одежды, утвари. Если такой призыв не используется крайне правыми реакционными партиями в негативных целях (как, например, это делает Джан Сангх в Индии), то его можно считать прогрессивным и важным с чисто экономической точки зрения, как одно из средств, приемов конкурентной борьбы с иностранными товарами.

Неизбежность и необходимость достаточно широкого использования мелкого производства в ходе индустриализации связаны и с вопросом о выборе техники, который столь длительное время обсуждался и обсуждается во всей мировой экономической литературе по развивающимся странам. Полностью признавая необходимость применения и воспроизводства современной передовой техники, нельзя вместе с тем не учитывать, что, только опираясь на нее, невозможно осуществить более или менее равномерный подъем экономики. Недостаток ресурсов ограничивает распространение современной техники, и ориентирование только на последние достижения научно-технического прогресса может дать явление, аналогичное тому, что имело место при колониализме,— очаги очень высоко оснащенной промышленности, связанные почти исключительно с мировым рынком, и рядом с ними крайне отсталую экономику, находящуюся в состоянии стагнации. Обеспечить динамизм всей экономике при ограниченных ресурсах можно, лишь используя все технические средства, прогрессивные по отношению к существующему уровню развития производительных сил в этих странах.

Эту характерную черту индустриализации, протекающей на фоне уже достигнутого мирового уровня машинной организации производст-

ва, отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о Германии. Они писали: «Характерно, что полотняная мануфактура, т. е. промышленность, имевшая своей основой самопрялку и ручной ткацкий станок, приобрела в Германии некоторое значение как раз к тому времени, когда в Англии эти неуклюжие инструменты уже вытеснялись машинами» [1, стр. 183]. В. И. Ленин применительно к советской экономике 20-х годов говорил о необходимости использовать любые усовершенствования для развития производительных сил. На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. он говорил: «Мы должны и можем добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени мелкого крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной» [8, стр. 311]. Использование всех возможных технических усовершенствований, а не обязательно самых совершенных дает хотя незначительное, но повышение производительности труда, дает толчок всему развитию экономики.

В Японии периода Мэйдзи, например, даже такой варварский способ транспортировки, как рикши, был прогрессом с точки зрения чисто технической, так как Япония Токугавских времен не знала иного способа передвижения как пешком или в носилках, а переноски грузов иначе как вручную. Рикши быстро начинают распространяться в Японии после 1870 г., и число их растет до 1900 г. Тогда же начали использовать скот как тягловую силу, что явилось значительным усовершенствованием в транспорте, особенно местном, хотя отнюдь не было последним словом техники того времени. Таким образом, применение машинной техники, представляющей различные ступени развития машинного производства (а порой и домашинной), сопутствует индустриализации.

Но такая техника требует и соответствующих форм ее организации, т. е. мелкого и среднего производства, которое создает также возможность до конца использовать все оборудование, даже после его значительного морального устаревания, и одновременно осуществлять его постоянную модернизацию на крупных предприятиях. Последние после наступления морального износа могут продавать первым устаревшее оборудование по доступной для них цене. Тем самым значительно расширяются возможности усвоения развивающимися странами научно-технического прогресса на основе сокращения сроков использования и обновления основного капитала при продолжении его функционирования в народном хозяйстве и удлинении сроков его физического использования.

Разумеется, мелкое производство тоже в определенной мере приобщается к современной технике, например посредством подключения к электроэнергосистемам, использования железнодорожного транспорта и т. п. Имеется и еще один довольно важный для мелкого производства канал такой связи: поставки сырья для него из крупной промышленности. В Эфиопии, например, кустари получают железные листы для изготовления своих изделий, а в Верхней Вольте первое промышленное предприятие, текстильная фабрика, пушенная в ход в 1970 г., специально предусматривает производство определенного количества окрашенной и скрученной пряжи для ремесленников.

Применение в мелком производстве устаревшей техники понижает его капиталоемкость. Например, по американским данным, капиталовложения на одного занятого в мелкой и крупной металлургической промышленности резко разнятся между собой (соответственно 1 тыс. и 35 тыс. долл.) [13, стр. 61]. Это создает возможность участвовать в производстве сравнительно мелким частным накоплениям, что чрезвычай-

чайно важно, так как при ориентации только на крупное производство мелкие частные накопления неизбежно идут в торговлю, ростовщичество, владение недвижимостью. Развитие мелкого производства является, таким образом, довольно важным каналом аккумуляции накоплений внутри страны, который дополняет деятельность банков, кредита, государственных финансов, потому что никаким налогообложением невозможно заставить мелкого и мельчайшего собственника отдать все накопленные им сбережения.

Многие национальные правительства всячески стимулируют развитие мелкого предпринимательства в целях концентрации, насколько это возможно, внутренних накоплений в сфере производства. Так, например, в Алжире после 1965 г. начала проводиться политика поощрения частного предпринимательства, влекущая за собой перемещение частных накоплений из торговли в область производства. На это же направлена и деятельность Национальной (и региональных) комиссии по инвестициям, санкции которой подлежат все капиталовложения; специального технико-экономического бюро при Торгово-промышленной палате Алжира, оказывающего консультации и помощь в расчетах частному капиталу; Народного кредита Алжира, предназначенного обеспечивать средне- и краткосрочное кредитование мелкого производства и ремесел. При этом правительство всячески противодействует насаждению новых частных предприятий в коммерческой области, даже если они замаскированы «под производственные». Например, иностранному капиталу, участие которого допускается и в целом приветствуется, запрещается строить такие предприятия, которые будут осуществлять простой монтаж изделий. Такие предприятия приравниваются не к промышленным, а к коммерческим [24, стр. 41—45; 17, стр. 25—26; 25, 1969, № 471, стр. 14].

Безусловно, мелкое производство является в известной мере и определенным источником накоплений, хотя в этом отношении значение его меньше, чем крупного. Зато оно дает большую занятость в связи с более низким органическим строением капитала — факт, постоянно привлекающий внимание к мелкому производству, и, пожалуй, трудно сейчас найти книгу или брошюру по развивающимся странам, в которой не затрагивался бы этот вопрос в той или иной форме. Поэтому подробнее на нем мы не останавливаемся.

Мелкое производство может служить источником экспортных поступлений. В случае, если страна не обладает богатыми минеральными ресурсами, именно мелкое производство составляет материальную базу торговли и связей с мировым рынком. Пример этого дает уже Япония второй половины XIX — первой трети XX в., когда большая часть инвалютных поступлений обеспечивалась за счет шелка-сырца, более $\frac{2}{3}$ производства которого шло на экспорт, в связи с чем с 1868 по 1893 г. производство его в Японии увеличилось примерно в 4,5 раза (с 2,3 млн. фунтов до 10,2 млн.) [27, стр. 15, 95, 338]. В результате в общих поступлениях от экспорта товаров за границу шелк-сырец давал в XIX в. примерно 40%, в XX в. — 30% [28, стр. 424—427]. Рост производства и экспорта шелка-сырца обеспечивался прежде всего расширением производства коконов, составлявших 70—80% стоимости шелка-сырца, в мелких крестьянских хозяйствах. В 20-х годах коконы в Японии выращивали 2 млн. крестьян-надомников главным образом на основе использования семейного труда [28, стр. 211].

Значение мелкого производства как источника валюты для закупки за границей машинного оборудования в индустриализации Японии было, таким образом, достаточно велико. В наши дни в развивающих-

ся странах значение мелкого экспортного производства, главным образом сельскохозяйственного, примерно таково же. Так, в Камеруне в 1969 г. из общих экспортных поступлений около 60 млрд. афр. фр. кофе и какао-бобы, продукты мелкого крестьянского производства дали 34,5 млрд. афр. фр. В Береге Слоновой Кости в 1968 г. картина была аналогичная: из общей стоимости экспорта примерно 105 млрд. афр. фр. стоимость вывезенного кофе и какао составила свыше 55 млрд.

За годы независимости наблюдается увеличение экспортного производства. В Камеруне, например, производство какао с 1959/60 по 1968/69 г. возросло с 69,8 тыс. т до 115 тыс., кофе — с 42,58 тыс. т в 1962/63 г. до 64,51 тыс. в 1968/69 г. В Береге Слоновой Кости в 1959/60 г. было произведено 105 тыс. т кофе, а в 1968/69 г. — 210 тыс., какао — соответственно 62 тыс. и 142 тыс. т [25, 1970; № 485 спец., стр. 50, 52, 95, 98].

Таким образом, совершенно очевидно, что, несмотря на трудности, вытекающие из монокультурной специализации сельского хозяйства, отказаться сейчас от экспортного производства африканские страны не могут и даже расширяют его, причем расширение идет за счет именно мелкого производства. В Береге Слоновой Кости, например, выращиванием кофе и какао-бобов занята примерно половина самодеятельного населения страны, причем в обследованных округах, на которые падает до четверти производства этих продуктов, 60% хозяйств оценивались как мелкие семейные даже по африканским понятиям [9а, стр. 238—240]. В Камеруне европейские плантации к началу 60-х годов давали лишь 5% сбора какао-бобов. Удельный вес их за годы независимости, естественно, не увеличился. Средние размеры крестьянских хозяйств, производящих какао-бобы в Камеруне, составляют 1 га, т. е. это в основной массе мелкие хозяйства. Примерно то же можно сказать и о производстве кофе в Камеруне [18, стр. 38—39; 11, стр. 178].

Наконец, мелкое производство в период индустриализации в развивающихся странах может играть роль, в определенных аспектах аналогичную той, какую оно играет в странах развитого капитализма, — дополнять крупное производство, специализируясь на выпуске отдельных частей, узлов и деталей. Примеры такого использования мелкого производства имеются в Азии. Мелкое производство сохраняется также в торговле и в сфере услуг. Оно расширяется за счет ремонтных и наладочных мастерских, по мере индустриализации, развития крупной промышленности и призвано обслуживать ее. Переход ремесленников, ювелиров, оптиков, точных механиков от производства к ремонту и наладке инструментов — явление, хорошо известное из истории, например, Германии. Однако эти направления мелкого производства в молодых национальных государствах составляют скорее перспективу для будущего, чем реальное состояние мелкого производства, что объясняется как слабым развитием крупной промышленности, так и неприспособленностью африканских традиционных ремесел к переходу на ремонт и обслуживание довольно сложных современных бытовых механизмов, а также отсутствием среди африканских ремесленников людей с высокой квалификацией и знаниями.

Наконец, мелкое производство (главным образом традиционные ремесла и предприятия в сфере услуг) непосредственно включается в так называемую индустрию туризма. Пожалуй, мало или совсем не найдется планов развития, которые не уделяли бы ей значительного места. В Танзании, например, создана специальная автономная государственная организация — Туристическая корпорация Танзании, которая должна осуществлять всю государственную деятельность по туризму, поощ-

рять и координировать туризм в стране. Инвестиции этой корпорации по второму пятилетнему плану предусмотрены в объеме 10,2% всех инвестиций автономных государственных корпораций [32, стр. 18]. Обслуживание многочисленных туристов, прибывающих в основном из Европы и Северной Америки, способствует развитию традиционных африканских ремесел, правда довольно узкой их группы: производства предметов экзотики и искусства, специфических национальных вещей, уникальных предметов ручной работы и т. п. Развитие их определяется почти целиком спросом мирового рынка, и ремесленники часто приспособляют свои изделия к вкусам иностранных покупателей. Таковы медные и золотые украшения, изготавливаемые повсеместно в Африке, и особенно в Северной, деревянные маски и скульптура Тропической Африки, мавританские ковры, изделия из кожи, шкур диких зверей и т. п. Значение этих ремесел в хозяйственной жизни сводится к получению валюты.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что значение мелкого производства в процессе индустриализации достаточно велико. Промышленное развитие, внедрение машинной техники осуществляются как бы на разных уровнях, взаимодополняющих друг друга. Образно говоря, мелкое производство выполняет функции подсобной силы, временного вспомогательного помещения, заменяющего основное здание до его возведения. Но роль мелкого производства уменьшается по мере становления машинной организации производства, крупной фабрично-заводской промышленности. Таким образом, можно говорить о двойственной структуре индустриализующейся экономики развивающихся стран, так же как и экономики современных развитых капиталистических стран [см. 19, стр. 254]. Однако двойственность структуры в развивающихся странах отличается от двойственности в странах монополистического капитализма.

В странах «третьего мира» речь идет скорее о многоступенчатой структуре, так как в ходе ускоренной индустриализации различные последовательные стадии техники и организации производства сочетаются во времени, как бы накладываются друг на друга, а не следуют одна за другой, как это было, например, в Англии. Принцип ускорения заключается в том, чтобы перепрыгивать через определенные стадии развития (например, через мануфактуру), и прогресс техники делает это принципиально возможным. Миновать стадию мануфактуры — значит не допустить того, чтобы она стала господствующей на какое-то время формой организации производства, но это не исключает ее существования. Перепрыгивание сводится к сосуществованию различных стадий техники и организации производства при преобладании одной, высшей — фабрики в ее современных формах. Таким образом, организационная и техническая многоступенчатость структуры индустриализующейся экономики — явление, характерное для ускоренной индустриализации.

Другое отличие двойственности структур экономики современных капиталистических государств и развивающихся стран заключается в том, что в первых мелкое производство, «зоны свободной конкуренции», немонополизированный сектор целиком подчинены монополистическому финансовому капиталу. Разумеется, это не исключает определенных противоречий между монополиями и мелким производством, между головными фирмами и субподрядчиками, но в целом все мелкое и среднее производство из-за установившихся производственных отношений монополистического капитализма подавлено монополиями, не может выражать в этой системе собственные классовые интересы.

В развивающихся странах положение иное. Там нет неизбежности подчинения мелкого производства крупному монополистическому капиталу, там интересы мелкой буржуазии могут быть противопоставлены интересам монополий, так как крупный монополистический капитал представлен главным образом (а в африканских странах исключительно) иностранным капиталом, иностранными монополиями. Поэтому мелкое производство и мелкая буржуазия противопоставят ему как национальное иностранному и представляют самостоятельную классовую силу. Мелкая и средняя национальная буржуазия еще несет в себе революционный заряд, что и может служить социально-классовой основой проведения прогрессивной антиимпериалистической политики даже в странах капиталистического пути развития.

Основа этой революционности чисто классовая — противоречие между мелким собственником и крупным капиталом, которое усиливается и приобретает очень острые формы как противоречие между колониализмом — империализмом и национальным обществом бывших колоний. В. И. Ленин, указывая на эти революционные потенции мелкой буржуазии, на возможность использования ее для революционных преобразований и одновременно критикуя за псевдореволюционность, отмечал ее стремление «разорить, добить крупных помещиков, крупных эксплуататоров. И в этом мелкий собственник охотно поддерживает нас.

Тут он революционен больше, чем рабочие, потому что у него больше озлобления, возмущения, и потому на то, чтобы добить буржуазию, он идет охотно...» [4, стр. 255]. В. И. Ленин говорил о массе мелкой буржуазии, «которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран...» [4, стр. 256].

На основе экономической значимости мелкого производства в индустриализации мелкая буржуазия обретает классовую и политическую самостоятельность и в условиях протекающей в развивающихся странах борьбы с неоколониализмом (читай: крупным монополистическим капиталом) может выражать свои классовые интересы и цели через национальные партии и национальное государство. Поэтому сохранение мелкого производства практически весь период индустриализации обеспечивает политическое господство (в качестве правящей партии или в блоке с другими партиями) именно мелкой и средней радикальной национальной буржуазии, представляющей мощный социальный слой.

Разумеется, мелкая буржуазия все время меняет свой состав в силу дифференциации, которая происходит в ее рядах. Часть ее разоряется и вступает в ряды пролетариата, часть вырастает в крупных капиталистов. Говоря о мелких собственниках, В. И. Ленин подчеркивал, что «каждый из них является источником нового поколения буржуев» [4, стр. 262]. Их революционность, разумеется, резко падает, так как мелкий собственник революционен до тех пор, пока речь идет о добывании, ломке и пр., как говорил В. И. Ленин [5, стр. 294]. Но революционный заряд «мелкого собственника, взбесившегося против крупного» [5, стр. 294], пропадает после того, как он, «урвав себе побольше», использовал «для себя и в своих целях плоды победы» [4, стр. 255]. «Здесь,— говорил В. И. Ленин,— отходит революция от мелкой буржуазии» [4, стр. 264]. Таким образом, по мере роста и развития национальный капитал становится реакционным, эволюционирует вправо. Пример этого — раскол в Индийском национальном конгрессе, выделение правой фракции, выражающей интересы собственников, сумевших «урвать побольше» и заинтересованных в том, чтобы у них не вырвали захваченного.

Но в то же время сохранение и расширение мелкого производства,

законы развития товарного хозяйства постоянно рожают новых мелких собственников, настроенных радикально, жаждущих приобщиться к благам крупного капитала путем его экспроприации. Таким образом, стихия товарного производства постоянно рождает новые и новые волны радикально настроенной мелкой буржуазии, которая составляет достаточно постоянный социальный слой, хотя в его составе, несомненно, могут происходить и происходят изменения, иногда довольно значительные. Этот слой есть социальная опора антиимпериалистического и даже до определенной степени антикапиталистического (поскольку речь идет о борьбе с крупным иностранным капиталом) курса.

Режимы, при которых власть находится в руках радикальной мелкой и средней буржуазии, при всех их колебаниях являются прогрессивными, хотя они и не означают еще вступления данной страны на некапиталистический путь. Это было отмечено Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду: «Не во всех бывших колониях и зависимых странах прогрессивные общественные изменения продвинулись так далеко. Но борьба против сил реакции, против ставленников империализма идет повсюду, и в некоторых странах прогрессивные силы уже добились серьезных завоеваний» [9, стр. 19].

Прогрессивность этих режимов заключается также и в том, что они стихийно начинают путь социалистической ориентации. В своей борьбе с крупным иностранным капиталом (а порой и национальным, как, например, в Индии) мелкое производство, мелкая буржуазия экономически и организационно неизмеримо слабее своего противника. Сила монополий — это сила организации крупного производства, его обобществления, в современных условиях слившаяся с силой буржуазного государства, и, чтобы противостоять иностранным монополиям, национальная буржуазия должна опираться на такую же мощную организацию. Революционная национальная буржуазия должна обеспечить (или хотя бы действовать в этом направлении) такое же обобществление своего производства (должна подчиниться государственному регулированию, учету, должна пойти, таким образом, на государственный капитализм), т. е. фактически отказаться, хотя бы частично, от своего «я», сама до известной степени подавить в себе мелкособственническую основу, ибо природа мелкого собственника, который боится всякого государственного контроля, «прежде всего боится государственного капитализма...» [4, стр. 255], стихийно ведет его к отрицанию государственной организации и контроля. Перед ним только два пути: подчиниться либо крупному капиталу, с которым у него громадные противоречия, либо, сохранив определенную независимость от иностранного капитала, подчиниться национальному государству, уступив ему значительную долю самостоятельности, развиваться в русле государственного капитализма. Такая узость выбора обусловлена тем, что на современном уровне развития производительных сил мелкое производство, представляя прошлый день техники и организации производства, может служить лишь дополнением (хотя и весьма важным) и придатком крупного. Мелкое производство нуждается в организующей его силе. Поэтому либо крупный капитал, либо национальное государство должны его организовать и обобществить.

В последнем случае победа мелкого собственника над самим собой объективно приближает переход страны к социалистической ориентации, так как важнейшая задача в переходный период от капитализма к социализму — победа над мелкобуржуазной стихией. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал опасность, проистекающую из неорганизованности

мелкобуржуазной стихии. На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. он прямо указал, что «наш главный враг — это мелкая буржуазия» [4, стр. 255]. Поэтому, считал В. И. Ленин, подчинение мелкой буржуазии государственному контролю даже при условии, что власть находится в руках непролетарских элементов, есть шаг к социализму. Он указывал, что «государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму...» [4, стр. 257].

Природа государственного капитализма в развивающихся странах, где у власти (полностью или преимущественно) находится мелкая буржуазия, очень интересна. В. И. Ленин создал учение о двух типах государственного капитализма: 1) у власти крупный капитал, 2) у власти пролетариат. Сущность того и другого вскрыта В. И. Лениным и получила широкое освещение в нашей экономической литературе.

В развивающихся же странах, где власть принадлежит революционно настроенной мелкой буржуазии, природа государственного капитализма, безусловно, отличается от двух упомянутых. Национальное государство выступает прежде всего против интересов крупного капитала, борется с ним. Мелкое производство, мелкая буржуазия еще настолько слабы экономически, что не могут подчинить себе государство и, более того, вынуждены подчиняться ему. Таким образом, государство здесь выступает как институт, организующий мелкобуржуазную стихию и в определенной степени стоящий над ней в классовом отношении, так как сила организации есть уже отрицание классовых интересов мелкого собственника.

Не ставя перед собой задачу построения социализма, такое государство имеет лишь цели антиимпериалистической борьбы и максимального удовлетворения интересов мелких собственников, насколько это возможно в рамках государственного капитализма. Но необходимо отметить, что у «мелкобуржуазного государственного капитализма» имеются предпосылки для дальнейшей эволюции в сторону социалистической ориентации. Радикальные антиимпериалистические позиции создают непримиримые противоречия с империализмом, и у таких стран нет иного выхода, кроме ориентации на социализм, так как третьего не дано.

Современный уровень развития производительных сил и крупного машинного производства делает невозможным для мелкой буржуазии выдвинуть такие классовые цели, которые были бы действительно прогрессивны и обеспечивали бы подъем экономики страны. Идеалы мелкой и средней буржуазии направлены в прошлое, на укрепление, увековечение мелкого производства. Но подобная программа в наши дни утопична и с технической точки зрения реакционна. Поэтому мелкая буржуазия не может выработать собственной программы, определить собственные цели, соответствующие эре крупной машинной промышленности. Она находится в положении, аналогичном положению мелкого производителя, крестьянина, о котором В. И. Ленин писал: «Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия... либо пролетариат... О „третьем“ пути, о „третьей силе“ могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы» [7, стр. 239—240]. И далее: «Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы» [8а, стр. 164].

При радикальных антиимпериалистических преобразованиях необходимо противопоставлять неокOLONиализму все более мощные экономические средства вызывает укрепление национального государства

как силы, организующей мелкобуржуазную стихию, но в конечном счете в противовес ей. А это означает поворот к социалистической ориентации. По-видимому, такова была эволюция в некоторых странах, как, например, в АРЕ, где революция, начавшись как чисто антиколониальная и антифеодальная, постепенно перерастала в антикапиталистическую именно на основе радикальности антиимпериалистической борьбы. Каждое новое антиимпериалистическое усилие требовало укрепления государства в противовес стихии. Поэтому вполне логично, что порой имеет место такое явление, что, чем сильнее давит иностранный капитал, чем яростнее выступает против национально-освободительного движения империализм, тем быстрее происходит перерастание антиимпериалистических преобразований в антикапиталистические, хотя эволюция в сторону социалистической ориентации может протекать также весьма медленно.

Таким образом, последовательная антиимпериалистическая борьба может приводить к переходу развивающихся стран на некапиталистический путь развития. Это обстоятельство также было отмечено на XXIV съезде КПСС. Л. И. Брежнев подчеркнул, что сейчас в развивающихся странах **«борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»** [9, стр. 18].

Революционные потенции мелкой и средней национальной буржуазии могут быть использованы и в условиях сделанного выбора в пользу социалистической ориентации, что отмечают советские авторы [см., например: 20, стр. 107]. В этом случае мелкое производство в условиях низкого уровня развития производительных сил является одним из факторов, порождающих государственный капитализм, в рамках которого происходит подчинение мелкобуржуазной стихии государству. Но вследствие классовых целей государства степень подчинения им мелкого производства значительно больше, чем в странах капиталистического пути развития.

Главная задача государства в странах социалистической ориентации — подготовка условий для возможности перехода к такой системе производственных отношений, которая основана на общественной собственности на средства производства. В странах же с прогрессивными мелкобуржуазными режимами вопрос о собственности решается в рамках частной собственности. В этом принципиальное различие этих двух подвидов государственного капитализма в развивающихся странах. Однако, учитывая возможность перерастания антиимпериалистических преобразований в антикапиталистические, можно отметить, что порой грани между ними весьма условны, расплывчаты и один подвид государственного капитализма может постепенно перерастать в другой, т. е. между «чистыми» подвидами может лежать еще множество переходных форм.

Вместе с тем особое внимание к подлинному обобществлению в качестве подготовительной меры к появлению общественной формы собственности как господствующего производственного отношения сближает государственный капитализм в странах некапиталистического пути развития с государственным капитализмом в условиях пролетарской государственной власти.

Однако, говоря о революционности мелкой буржуазии в развивающихся странах, нельзя не отметить, что ее двойственность, мелко-собственническая природа создают значительную опасность для национально-освободительного движения, в том числе опасность контрреволюционных переворотов. Если национальное государство в рамках

государственного капитализма недостаточно учитывает мелкособственническую природу национальной буржуазии, не удовлетворяет ее экономические интересы как мелкого собственника, она идет на соглашение с крупным монополистическим капиталом, т. е. с империализмом. Эту опасность нельзя недоучитывать, так как одна из основных целей неокOLONиализма сейчас — подчинение национальной мелкой и средней буржуазии своему влиянию. Такое подчинение, которое потом приводит к постепенному слиянию экономических интересов национального и иностранного капитала, имеет место в ряде развивающихся стран, и, может быть, особенно ярко проявляется в торговле. Национальный капитал еще настолько слаб, что постоянно испытывает острую нужду в свободных средствах для скупки урожая, в долгосрочных кредитах для вложений в основной капитал (складские помещения, торговые конторы и пр.), не может сам выходить на мировые рынки и т. п. Иностранные торговые монополии охотно помогают ему в этом, сохраняя, разумеется, свое господствующее по существу, хотя и не всегда по форме положение и изымая значительную часть прибыли. Из всех методов сохранения влияния иностранных монополий наиболее действенным является кредит. В Нигерии, например, в 1963 г. «Юнайтед Африка Компани» (ЮАК) кредитовала четыре крупнейших национальных кооператива по скупке какао, на которые падали четверть закупок этого продукта по всей стране. Старые колониальные фирмы создают также филиалы, специализирующиеся на управлении национальными торговыми фирмами. Так, например, нигерийский филиал английской компании «Джон Голт» в середине 60-х годов выполнял функции управляющего агента для двух нигерийских торговых фирм. В результате такого симбиоза деятельность иностранных торговых монополий в Африке продолжается весьма успешно. Например, ЮАК, несмотря на широко проведенную африканизацию (сейчас примерно половина менеджеров ЮАК в Африке — африканцы), объявила о значительном увеличении своего капитала по сравнению с 1962 г. [33, 1971, № 2814, стр. 574].

Разумеется, противоречие между национальной буржуазией и иностранным капиталом сохраняется, но при гибкой политике неокOLONиализма, который порой идет на значительные уступки национальной буржуазии, и при недостаточно внимательном отношении к ней со стороны национального государства буржуазия может наилучшим образом удовлетворять свои интересы как мелкий собственник в союзе и под эгидой иностранного капитала, а это означает в конечном счете сохранение экономической зависимости, укрепление неокOLONиализма. Тенденция национальной буржуазии к сговору с иностранным капиталом усиливается тем, что в эпоху империализма буржуазия как класс является не прогрессивной, а реакционной силой, смотрит не вперед, а назад, склонна к сговору с любой реакцией из страха перед пролетариатом, из страха, что радикальные преобразования могут обернуться против нее самой. Это отметил еще Ф. Энгельс, говоря о немецкой буржуазии и ее пресмыкательстве перед юнкерством. В работе «Роль насилия в истории» Ф. Энгельс писал: «Апеллировать к массам буржуазия отучилась в 1848 году; она боялась их еще больше, чем абсолютизма». И далее: «На божьих полях сражений была разбита не только Австрия, но и немецкая буржуазия. Бисмарк доказал ей, что он лучше ее самой знает, что для нее выгоднее» [2, стр. 447, 450]. Реакционность буржуазии усилилась в наши дни, в условиях общего кризиса капитализма, его последнего этапа. Национальная крупная буржуазия, как правило, однозначно выступает в союзе с иностранными монополиями и феодалами против прогрессивных сил. Она готова жертвовать нацио-

нальными интересами, в империализме она видит не только и не столько врага, сколько прежде всего брата по классу. Политическая борьба современности дает немало примеров реакционности крупной национальной буржуазии. Один из наиболее показательных — борьба правых сил Индии против прогрессивных преобразований, осуществляемых правительством Индиры Ганди. Мелкая буржуазия также сохраняет свою двойственность, что представляет значительную опасность для революции.

В заключение можно отметить, что мелкое производство играет весьма существенную роль в ускоренной индустриализации. В условиях слабого развития производительных сил, недостатка средств максимальной мобилизация всех внутренних, а частично и внешних ресурсов, материальное обеспечение воспроизводства рабочей силы — задачи практически невыполнимые без привлечения и развития мелкого производства.

Его большая экономическая роль налагает отпечаток и на ход социально-экономических процессов. Прежде всего огромное значение приобретают мелкая и средняя буржуазия, в том числе крестьянство, несущие значительный революционный заряд, и это может составить социальную базу антиимпериалистической борьбы и даже ее перерастания в антикапиталистическую. Подобный ход развития возможен только в русле государственного капитализма. В противном случае мелкая буржуазия оказывается подчиненной иностранному капиталу и превращается в реакционную силу.

1. К. Маркс, Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3.
2. Ф. Энгельс, *Роль насилия в истории*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
3. Ленин В. И., *Грозящая катастрофа и как с ней бороться*, — Полное собрание сочинений, т. 34.
4. Ленин В. И., *Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 36.
5. Ленин В. И., *О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности*, — Полное собрание сочинений, т. 36.
6. Ленин В. И., *X Всероссийская конференция РКП(б), 26—28 мая 1921 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 43.
7. Ленин В. И., *О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)*, — Полное собрание сочинений, т. 43.
8. Ленин В. И., *IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 44.
- 8а. Ленин В. И., *Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 44.
9. Брежнев Л. И., *Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза*, — «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971.
- 9а. Блохин Л. Ф., *Берег Слоновой Кости. Экономико-географическая характеристика*, М., 1967.
10. *«Воспроизводство общественного продукта в Японии»*, М., 1970.
11. Голубчик М. М., *Федеративная Республика Камерун. Экономико-географический очерк*, М., 1968.
12. Захарова М. В., *Использование переходных экономических форм в строительстве социализма*, Л., 1971.
13. *«Проблемы индустриализации развивающихся стран»*, М., 1971.
14. *«История СССР. Эпоха социализма»*, М., 1958.
15. Кашин Ю., *Сенегал*, М., 1965.
16. Кузьмин С., *Развивающиеся страны: занятость и капиталовложения*, М., 1965.
17. Ланда Р. Г., *Новая экономическая политика Алжира (1965—1969 гг.)*, — «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

18. Логинава В. П., Федеративная Республика Камерун (Проблемы социально-экономического развития), М., 1968.
19. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. 1, М., 1970.
20. Ульяновский Р., Некоторые вопросы некапиталистического развития,— «Коммунист», 1971, № 4.
21. «Экономическая история СССР», изд. 2, М., 1967.
22. Юферева Е. В., Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму,— «Экономика», М., 1969.
23. Bechtel H., Wirtschaftsgeschichte Deutschlands in 19. und 20. Jahrhundert, München, 1956.
24. «Les économies Maghrébines», Paris, 1971.
25. «Europe — France — Outremer».
26. «Industries et Travaux d'Outremer», Paris.
27. Lockwood W. W., The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change. 1868—1938, London, 1955.
28. Orchard J. E., Japan's Economic Position. The Progress of Industrialization, New York, 1930.
29. «Production Yearbook», New York.
30. «République du Niger. Perspectives décennales de développement. 1965—1974», Niamey.
31. «République du Niger. Plan quadriennal de développement. 1965—1968», Niamey.
32. «The United Republic of Tanzania. Tanzania Second Five — Year Plan for Economic and Social Development. 1st July 1969—30th June 1974», Dar-es-Salam, 1969, vol. I, II.
33. «West Africa», London.